

МОЛЧАНИЕ НЕБЕС

Владимир Потапов

Владимир Александрович Потапов

Молчание небес

Серия «#0 жизни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64113612

Молчание небес: Издательство «Союз писателей»; Новокузнецк; 2019

ISBN 978-5-00143-077-3

Аннотация

В этом сборнике вы найдёте рассказы с неожиданными развязками, которые порой заставят посмеяться от души, непременно удивят и, возможно, пробудят лёгкую грусть. Вырезанные из обычной жизни простых людей сценки очень атмосферные. Они проникнуты неподдельными эмоциями. Автор заглядывает в души своих героев, рисует обстановку вокруг, показывает их стремления и надежды, всегда оставляя на потом что-то особенное, что заставит иначе посмотреть и на человека, и на ситуацию. В результате получаются очень неординарные и интересные выводы философского толка. Главный из них – не всё такое, каким кажется. Согласны? Если сомневаетесь, самое время убедиться!

Содержание

Должник	5
Ах, любовь, любовь...	8
Скупая щедрость	12
Бабушкино веретено	16
Выстуженная душа	25
Две минуты фатума	32
Сухая ветка	36
Разговор с редактором	45
Тринадцать лет гениальности	52
Вера	57
Победительница	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владимир Потапов

Молчание небес

© Потапов В. А., 2018

© Издательство «Союз писателей», 2018

© ИП Суховейко Д. А., 2018

* * *

Должник

Ему сегодня отчего-то не хотелось идти на работу.

Утро началось с того, что его с женой растормошили де-тишки.

– Папка, папка! – канючил младший, Лёшка. – Мы в зоо-парк опоздаем! – и полез, паршивец, к ним на кровать: в лож-бинке между родителями было самое уютное место.

Старшенькая, семилетняя Анна, стояла рядом и теребила отца за палец:

– Па-ап, ты же обещал!.. Ну, ты же обещал!..

Чертенята! Как просыпаться не хочется! В плечо сопела уже проснувшаяся жена, улыбалась, не открывая глаз.

– Вставай, хозяин! Ты же им обещал... Всё равно не от-станут...

Андрей тоже не открывал глаз.

– Не-а!.. Пока меня не поцелуют – никуда не пойдём.

Ну, за этим дело не встало! Ребятишки бросились цело-вать Андрея. Жена, пока они барахтались с отцом, встала, пошла умываться.

Уже всю лупило июньское солнце, но воздух был по-утреннему свеж и упруг. И шла семья по бульвару. Ели мо-роженое, смеялись чему-то, глазели на проснувшийся суб-ботний город.

Зоопарк был открыт и полон народу. А после они ещё катались на «чёртовом колесе», на карусели, на качелях. Ели шашлыки и запивали их газировкой. И отовсюду несло ещё не надоевшее «Во французской стороне, на чужой планете...»

Лёшка на обратном пути сомлел и заснул на руках у отца. Так, не раздевая, его и уложили спать. Дочка убежала к подругам.

Андрей, отобедав, погладил форму (этого он жене не доверял), облачился.

– Ну?.. Как?.. – покосился на Веру.

– Молодец ты у меня, капитан, – прижалась жена к его спине, замерла. – Жалко, что на работу... Завтра ещё бы куда сходили...

– Ну, что поделать: служба, – немного виновато ответил он. – Долг Родине – эт дело святое... Зато следующие выходные вместе будем. – Смахнул невидимые пылинки с кителя, надел фуражку. В прихожей посмотрелся в зеркало. – Мне здесь и премию пообещали к концу месяца, – небрежно сказал он, поправляя галстук. – За ударный труд... Подумай, может, на базу махнём?.. На пару дней...

– Иди, иди, «стахановец», – она поцеловала его в щёку, подтолкнула к выходу. – А то опоздаешь – никакой премии тебе не будет.

И он пошёл...

Надо же было кому-то приводить в исполнение смертные приговоры.

Ах, любовь, любовь...

Новенькая зашла минут через десять после начала лекции.

Он и внимания на неё не обратил: мелькнул чей-то силуэт слева, сел чуть спереди. Не до неё было: преподаватель как раз дошёл до нужной темы, и он старался законспектировать вслед за ним как можно больше.

Запах – вот что напомнило о незнакомке. И даже не запах... еле-еле ощутимый нюанс чего-то знакомого, волнующего...

Окно у кафедры было открыто, но не оттуда доносилась свежесть. Свежестью пахла новенькая. Еле уловимой, послегрозовой, с едва заметным запахом поля...

Он знал этот запах. Так пахло от Ритки Малышевой. Это был запах его первой школьной любви.

Внутри всё закаменело от предчувствия. Он, отчего-то пугаясь, медленно поднял голову.

Завиток волос за ушком золотился в лучах солнца. Дужка таких же золотистых очков с цепочкой. И само ушко... розовое на солнце, аккуратное, маленькое...

И всё-таки, кажется, не она...

Он уже не слушал лектора. Рука машинально двигалась по тетради, выводя какие-то каракули, но суть темы ускользала. Да и речь лектора постепенно превратилась в невнятную.

ный бубнѣж и совсем исчезла из сознания.

Ритка! Ритка, милая! Ну, окажись ею! Обернись!

Он осторожно тронул незнакомку за плечо. И она обернулась.

Это была не Ритка. Это была не его первая любовь. Те же серые распахнутые глаза. Удивлённые, с искринкой. Прямой нос, чуть припухшие, будто от ночных поцелуев, губы.

Но это была не она.

Незнакомка молчаливо и вопрошающе смотрела на него. И он видел, как у неё постепенно начал изгибаться в усмешке уголок рта. И непроизвольно улыбнулся в ответ. А сердце продолжало стучать всё сильнее и сильнее. И что-то внутри задрожало минорной струной. Сначала тихо, а потом всё громче и громче – до крещендо. И ему страшно было спугнуть это предчувствие любви.

– Артамонов! – преподаватель строго постучал карандашом по столу. – Ну, если вам неинтересно – не отвлекайте, по крайней мере, остальных! Я излагаю важную тему! Это – основа всего цикла!

И он, и она невольно встrepенулись, опустили глаза и прыснули в ладошки, как первоклассники.

– Сергей Сергеевич, – через силу, борясь с весельем, проговорил он. – Я не буду больше.

Преподаватель, седой, полный, лет семидесяти, недовольно пожевал губы, помолчал для значительности и продолжил занятие.

А он, Артамонов, сидел, опустив глаза к тетради, и замирал от счастья.

Слева и чуть спереди сидела его любовь. Он это понял с первой секунды, как заглянул в её глаза.

Да, не Ритка. И, если приглядеться, даже совсем не похожа. Но, Боже мой, какая разница! Этот колокол в груди стучал: Она! Она! Она! И замолкать не хотел!

Лучи солнца, искрящиеся от пылинок, сдвинулись к ранимой шее с голубоватой пульсирующей жилкой. И такая вдруг волна нежности и умиления охватила его, что он чуть не расплакался! Вырвал тетрадный листок и крупно написал:

МЕНЯ ЗОВУТ ПАВЕЛ.

И легонько-легонько тронул незнакомку за плечо.

Та скосила глаза и просунула под мышкой открытую ладонь. Артамонов украдкой положил записку и честными глазами посмотрел на преподавателя. Но тот стоял спиной к аудитории и что-то чертил на доске. Павел попытался вникнуть, но ничего не понял: голова напрочь отказывалась что-либо соображать. Он и на брошенную-то ему ответную записку тупо глядел секунд десять. Потом спохватился.

Меня зовут Юлия.

«Юлия... Юлька... Как Машкову, на первом курсе... Что ж за совпадения-то такие? И Ритка, и Юлька...

Да при чём здесь это?! Ну, любил... Ну, тебя любили... Но здесь-то – другое совсем!.. Эта-то!.. Вот! Перед тобой!

При чём здесь те, оставшиеся в воспоминаниях? Другое же!.. Сердце-то как ноет! Дрожу весь... И даже взмок... Как перед затаённым... несбыточным...

Господи, Пашка! Да ты влюбился!» Вновь застрочил на листке.

Встретимся после занятия?

Она прочитала и, не оборачиваясь, слегка кивнула.

Он откинулся на спинку стула и облегчённо вздохнул. А с лица так и не сошла счастливая блаженная улыбка.

– ...На этом давайте закончим на сегодня. – Сергей Сергеевич вытер тряпкой испачканные мелом руки. – На следующем занятии я расскажу вам о методах пасынкования и органической подкормки томатов. Все свободны.

Павел пригладил остатки когда-то могучих волос, намотал на шею кашне и, подхватив палочку, захромал вслед за пассией. Да та и не спешила. А чего в шестьдесят лет торопиться-то? Трудно! Тем более – от любви. Да и садоводческий семинар на сегодня кончился.

Скупая щедрость

Он старался есть медленно и аккуратно, но это получалось плохо: хозяйка, поджав губы и скрестив руки под грудью, стояла в дверях летней кухни, прислонившись к косяку, и не отрываясь, слегка брезгливо смотрела на него. Сашка с трудом пережёвывал куски мяса и всё боялся поперхнуться и закашлять.

– Вкусно, – невнятно, полным ртом проговорил он, улыбнулся виновато. – Очень вкусно. Спасибо.

Хозяйка не ответила. Обернулась на огород.

– Наташ! – крикнула громко. – Иди кушать! Сейчас Лидка придёт! Идём!.. – И снова уставилась на Сашку. – А ты чего, бомжуешь, что ли? – спросила она. Нормально спросила, спокойно, но Сашке всё равно почудилась ирония.

– Да нет, работаю потихоньку, – ответил он нехотя. – Окучил же вашу картошку...

– «Окучил»... – Нет, ирония точно была в её голосе. – Велика работа. За одни харчи... Это в твоём-то возрасте! Я думала – при деле сейчас все... Ну, кроме алкашей. Да и те... Работы-то навалом! Везде работяги требуются.

– Мало платят. Не проживёшь на гроши. – Сашке не хотелось говорить, что он без документов.

– А у меня прям обогатился! – женщина всплеснула руками. – Поел, в иномарку сел – и по границам со своими

деньжищами, да?! – И ещё вдобавок обидно хохотнула.

Сашка промолчал.

На крыльцо легко и стремительно вбежала хозяйская дочка.

– О, окончили уже?! Быстро вы!.. Мам, чего разогревать?

– Да в холодильнике... принесёшь сейчас, подожди...

– Всё, спасибо, очень вкусно всё! – Александр заторопился, поднялся из-за стола. Цепанул рубашкой о кромку. Пуговица отлетела на пол. – Извините, – покраснел он. – Я сейчас, быстро... – Встал на колени, сощурился близоруко, отыскал пропажу. – Извините ещё раз...

– Да погоди ты!.. Давай пришью. Нат, принеси нитку с иголкой.

– Нет-нет, спасибо. – Сашка уже напяливал разбитые кроссовки. – У меня есть, я сам пришью... Куртку куда-то дел, вы не видели?

– Вон она, у ворот висит. На. – Хозяйка сложила в пакет огурцы и помидоры со стола, лучок, полбулки хлеба. – На, поешь вечером, – подала продукты Александру.

– Спасибо. Мы же не договаривались...

Но, чуть помедлив, взял пакет.

– Может, еще кому-то помочь надо? Из соседей?..

– Не знаю, не знаю! – уже поторапливала его хозяйка. – Сам спрашивай.

Сашка перекинул через локоть куртку, вздохнул тяжело, вышел со двора.

– Мам, чего ты с ним так? Нормальный мужик, кажется... – Дочка уже убрала со стола, протёрла его и нарезала на доске колбасу.

– Нормальный, нормальный... Ты-то откуда знаешь? – мать раздражённо тёрла щёткой посуду в раковине. – Ходят здесь... Заразу какую-нибудь подхватишь... Где у нас «Ферри»?!

Дочь молча подала флакон.

– «Нормальный»... Ненавижу тунеядцев! Сама всю жизнь пахала как лошадь, а этот!.. Мужик!.. Сорока ещё нет! Не курит, не пьёт, а по дворам побирается!..

– Чего уж «побирается»? Всю картоху нам окучил, часа три пахал... А ты ему – тарелка шей да зелени кулёк...

– На сколько договаривались – столько и дала! – отрезала мать. – Тоже мне, защитница!

Разом как-то стихли, продолжая заниматься готовкой.

– Лидка из школы идёт, – увидела Натка сестрёнку.

– Вовремя. Отобедаем сейчас.

– Мам, – виновато, не поднимая глаз, сказала Наташа. – Мам, я ему в куртку пятьсот рублей засунула.

Мать замерла. Затем в сердцах бросила в раковину недомытую ложку. Тщательно вытерла руки полотенцем, сбросила передник.

– Ну и дура, – процедила она и скрылась в доме.

Как-то разом, до слёз стало жалко тысячную, которую она тоже тайком положила Сашке в карман, пока тот возился на

огороде. Ну, не на сору ж такие деньги найдены! Горбом заработала! А он... за три часа-то... полторы штуки... да со жратвой... И эта ещё, дура сердобольная, со своей пятисоткой... Хоть плачь! Хоть радуйся...

Бабушкино веретено

Чёрно-оранжевая бабочка, сомлев, распласталась на белоснежном кроссовке.

Нина Григорьевна строго посматривала на неё поверх книги и продолжала монотонно, в такт качающемуся гамаку бубнить:

Прощай, лазурь Преображанская
И золото второго Спаса,
Смягчи последней лаской...

– «Преображенская», Нина, «Преображенская», – поправил её стоящий у мангала муж, Клементий Петрович. А заодно поправил и шампуры: снизу подгорало.

– «Преображенская», – повторила за ним Нина. Осторожно выгнулась спиной, потянулась. – Клемент, ну, где же Малиновские? Это, в конце концов, неприлично: опаздывать на два часа.

Муж не ответил. Он решил опробовать крайний, с аппетитной корочкой шашлык. Но мясо не жевалось, было сырым.

– Клемент, почему ты молчишь? – не оборачиваясь, спросила Нина Григорьевна. – Где Малиновские?

– Не знаю.

Клемент оглянулся на лежащую в гамаке жену, выплюнул кусок в ладонь и забросил в кусты за забором. Отломил веточку с куста сирени, брезгливо обтёр её носовым платком и принялся украдкой вычищать застрявшие меж зубов остатки мяса.

– У них телефон не отвечает, – проговорил он невнятно. – Ну, чего ты расстраиваешься? Поспи пока... Принести плед?

– Не надо. И так душно. Просто... вечно с этими Малиновскими... Ведь договаривались: к двенадцати...

Она заложила книгу увядшей ромашкой, расстегнула пуговицу на блузке и помахала над лицом панамой.

– И есть хочется. В животе урчит, – добавила, еле сдерживая судорожную зевоту.

– Нина, подождать надо, не готово пока ещё... – Клемент Петрович закончил наконец с зубами. – Давай-ка с тобой винца холодного выпьем?..

– Винца, винца... – пробормотала она. – В деревню я хочу. – Вздохнула. – И чтобы никаких Малиновских!.. Спать... Молоко пить из кружки... Как в детстве...

– Здесь-то тебе чем не деревня? Чистый воздух, спокойствие... – Он сбрызнул шашлыки маринадом. Закурил. – Ну, так что, винца?..

– Да, пожалуй...

Она сделала глоток, облизала языком винный след от бокала на верхней губе.

– У меня был такой лоскутный тюфяк, сеном набитый...

Будто в стог проваливаешься! А запах, Клемент!.. Ты этого понять не сможешь... Это надо в детстве испытать. А на улице – пыль по щиколотку... Чёрная... Тёплая-тёплая! И запах – только-только стадо прогнали... Нет, это только в детстве...

– Мы тоже домик снимали до войны в деревне. Я помню деревню...

– Клемент, это не то! Как же ты не поймёшь?! Домик твой... И, наверное, няня?.. И за папой каждое утро машина из Москвы?..

– Ну... – смутился тот. – И что же? Всё равно: деревня... Она закрыла глаза, не ответила.

Надрывались цикады в сомлевшей от солнца траве. Далеко-далеко, на том краю света, прогудел самолёт. И там же, за горизонтом, глухо куковала кукушка. Жара и нега. Не хотелось даже пересчитывать оставшиеся годы за кукушкой.

– А вечерами мы бабулю слушали. Лежали с сестрёнкой на тюфяке, а она истории разные рассказывала. Сочиняла, наверное... Не помню ничего. Веретено только... Тук-тук-тук-тук-тук... Прядёт и нам рассказывает... И лампа керосиновая горит... – Ей даже говорить было лень. Она как-то через силу тянула из себя слова. Фыркнула: – А ты: «домик, домик...»

– О, Малиновские, кажется!.. – Клемент Петрович прищурился против солнца, прикрыл глаза ладонью. – Точно! Их «вольво»! Нин! Малиновские! – Он поспешил к калитке.

Нина машинально поправила золотой, с громадным изумрудом кулон на груди, застегнула пуговицу на блузке и поднялась. Опять потянулась, уже всем телом. Красивая стройная женщина в белоснежном костюме. Натянула на лицо весёлое изумление и обернулась к гостям.

– Сонечка!.. Ниночка!.. Паша!..

Ахи, охи, поцелуй, щебет.

– Клим, что там с шашлыками? Мы кое-как от дождя смотрелись! – Малиновский уже первым семенил к мангалу, к столику, к мясу, к бутылочкам... – Ох, и туча прёт! И сюда катит, точно тебе говорю! Здесь-то пока не видно, за лесом... Но точно сюда!.. Успеем?

– Да успеем, успеем... – Клемент был недоволен: и опоздали, и ещё торопят... – Не успеем – так на веранде сядем... Готовы шашлыки...

– О, это здорово! И банька будет?..

Расположились, подняли бокалы.

...Туча накатила минут через десять. Да так неожиданно, что они еле-еле успели заскочить под крышу.

– Ох, хляби небесные! – ухахатывался Пашка Малиновский. – Позагорали, мать их!.. – Руки с раскрытой бутылкой и бокалом размашисто жестикулировали.

– Прольёшь сейчас... Поставь... – Клемент положил на стол прихваченные с мангала шашлыки. Встряхнул мокрой головой. – Сланцы оставил, блин! Нин, где у нас тапочки?

– Хрен с ними, с тапочками! Ты смотри, что делается!

А на улице стена дождя избивала землю и природу. Особенно жутко было, когда налетали шквалы ветра. Казалось, не выдержат ни стены, ни стекла, ни крыша. И казалось, что слышен стон согнутых к земле деревьев. И мир раскраивался надвое гигантскими молниями.

– Вот это антураж! – восхищался Малиновский. – Тарковский – да и только! Ты смотри, смотри! – пихал он Клемент локтем. – Вот это да-а! Крынки с молоком не хватает! – кивал на летний столик с поваленной посудой, раскисшим хлебом, разметенной зеленью.

– Да вижу я, вижу!.. – досадливо пробурчал Клемент Николаевич. – Нин, ну, где у нас тапки?

Женщины как зачарованные стояли, обнявшись, у порога и смотрели на стихию.

– Клим, поищи у камина...

И в это время на повороте, у края сада, блеснули автомобильные фары. И вслед за этим – визг тормозных колодок. Глухой звук удара о низкий кирпичный забор. И треск лопнувших, как винтовочные выстрелы, стёкол.

Автомобиль плавно, будто в замедленном кино, перевалил через забор и рухнул боком на участок. Вспахал газон и перевернулся на крышу. А колёса бешено крутились, разбивая в пыль небесный поток.

И будто ступор охватил всех: обнявшие друг дружку жен-

щины, мужчины с бокалами вина – все замерли! Словно досматривали на едином дыхании последние кадры фильма!

А потом Нина Григорьевна вскрикнула и бросилась к машине.

И враз всё ожило. Загомонили, засуетились.

– Нинка! Нинка! Сейчас взорвётся! Куда ты?! – высунувшись в дверной проём орал Пашка. – Дура! Взорвётся!

Клим, оттолкнув того в сторону, бросился вслед за женой. Чуть не упал на мокрой плиточной тропинке, чертыхнулся и побежал назад: обуваться.

А Нина Григорьевна, подбежав, всё дергала и дергала заклинившую водительскую дверь. Дверца вдруг подалась, распахнулась, и Нина рухнула на газон. Заплакала от боли и, почему-то на четвереньках, поползла к выпавшему наполовину из машины парню. Ухватила за брючный ремень и потянула наружу. Парень еле слышно застонал и с места не сдвигался.

– Ремни, мать их!.. – сообщила Нина.

А с неба лило и сверкало. А от дома что-то громко и беспрестанно кричали.

«Ремни... Ножик бы... Ножик надо, разрезать...» – растерянно подумала она, оглянувшись беспомощно на кричавших. И никого не различила сквозь пелену дождя. Лишь неярые цветные пятна.

– Скорую вызови! – крикнул, сбегая с крыльца, Клим Машиновской. – И пожарников тоже!..

Пашка, глядя на того, схватил первую попавшуюся у входа куртку и побежал следом.

– Ножик дайте! Ножик принесите! – плачущим голосом кричала им навстречу Нина Григорьевна.

Мужики подбежали, опасливо косясь на бензобак, оттолкнули Нину в сторону. Полезли в машину и долго-долго что-то там возились. Машина заглохла. А потом Клим ногами выбил пассажирскую дверь изнутри. Выбрался, аккуратно подхватил парня под мышки, потянул на себя. Пашка помогал ему из машины.

Так и понесли его в дом. Пашка шёл сзади, держа того за ноги и удивлялся: Клим вышагивал в резиновых сапогах и плаще. Когда успел, собака? Вместе, кажется, бежали... Затем перевёл взгляд на Нину. Та шла рядом с мужем и придерживала парнишке голову. Мокрые, зазеленившиеся от травы брюки плотно облепили её ягодицы, и казалось – одни лишь трусики на ней. Такие же белоснежные, с оборочной каймой.

От них и не отрывался до самого дома.

– Я вызвала!.. Всё!.. Все едут! – испуганным голосом встретила их Малиновская.

* * *

– Взяли!

Врач с санитаром подхватили носилки, закатали в скорую.

Машина стояла вплотную к крыльцу. На влажной траве отчётливо виднелась колея от ворот до крыльца.

Пожарники уже уехали. Тушить было нечего. «Гаишники» ещё не приезжали. Ливень кончился, и опять ярко лупило солнце.

Все толпились у скорой. И всем уже было невтерпёж, чтобы побыстрее кончился этот кошмар.

– Стойте, доктор! – Нина вдруг попридержала заднюю дверь. – Как хоть он?

Её колотило крупной дрожью от пережитого, от мокрой одежды.

Доктор неопределённо пожал плечами.

– Кто его знает?.. Обследуем сейчас, просветим... Переломов, видимо, много. Странно, что ещё в сознании... Не знаю...

– Это хорошо! – вдруг громко сказала она. – Будет хоть с кого за забор спросить! Да за газон!.. Век не расплатится!

Доктор недоуменно посмотрел на неё. А потом на лице появилась брезгливость. Ничего не ответил и захлопнул дверцу.

Машина уехала.

Нина Григорьевна обернулась. И встретилась с такими же недоуменными и брезгливыми лицами. Даже у мужа. А Сонька ещё и улыбалась краешком губ.

Нина Григорьевна гордо подняла голову и шагнула на крыльцо. Мужики расступились.

Она подошла к столу, плеснула водки в бокал из-под вина и залпом выпила. Закрыла глаза, замерла. Затем резко выдохнула.

– Всё! Я пошла в баню!

И опять все молча расступились.

Сбросила комком в предбаннике грязную потяжелевшую одежду. Включила горячую воду из водонагревателя и встала под душ.

– Козлы! Боже мой, какие козлы! И эта... курица бройлерная... Скривились, сучки... И мой туда же!.. Брезгают они, прослойка хренова...

Стояла неподвижно, подставив лицо горячим струям. Озноб потихоньку проходил. И очень сильно заныли разбитые колени. Открыла глаза. Ногти обломаны. На всех пальцах. И цепочку потеряла...

– Козлы... Спасители долбанные... Рожи скривили!.. «Фи» своё выразили... Уроды! Да моя бабка всю войну под Ленинградом всем, всем! – солдатикам нашим что-нибудь совала: то монетки, то гвоздики, то лоскутки!.. Чтоб выжили!.. Чтоб вернулись с того света!.. Чтоб долг отдали... А эти... Скривились... Уроды... Стыдно им...

Колени нестерпимо болели.

И веретено бабулино в голове: тук-тук-тук, тук-тук-тук...

Выстуженная душа

Пять минут назад он сказал:

– Я ухожу от тебя.

Она сидела в это время за компьютером, корректировала написанное и слушала его в пол-уха.

– Сейчас, сейчас, – ответила рассеянно. – Немного осталось. Я быстро...

Он стоял справа от неё и молчал. Наташа видела его силуэт боковым зрением. Но уж слишком интересным было словосочетание этого норвежца – и так можно перевести, и так, и что красивее – не поймёшь, выбирать самой надо, – поэтому ей было не до мужа. Стоит же, ждёт... Не к спеху, значит...

И лишь звенящая тяжёлая тишина заставила отвести её взгляд от экрана и оглянуться на Владимира.

– Извини, я не расслышала. Что ты сказал?

Он по голосу и по этим отрешённым, немного безумным глазам понял: она всё равно там, в переводе. Но не мигая продолжал смотреть на неё.

– Я, правда, не слышала! Трудно повторить, что ли? У меня самая концовка «не вырисовывается»... Ну, что ты смотришь? Повтори, я же извинилась!..

– Я ухожу от тебя.

– Куда?

Его передёрнуло. Он не ответил и ушёл в другую комнату.

Она ещё тупо проводила его глазами, затем резко вскочила и бросилась следом.

– Володь, что случилось?

Она обхватила рукой дверной косяк и смотрела, как муж пакует чемодан.

– Да ничего не случилось, – обычным голосом ответил он. Рубашка никак не хотела аккуратно складываться. Он скомкал её и засунул сбоку. – Ты не знаешь, где мой костюм спортивный? Хотя... откуда...

Он сам залез в не глаженное, достал костюм и так же запихал вслед за рубашкой. Прошёл мимо неё – она посторожилась – в ванную за бритвой и зубной щёткой.

– Там, в холодильнике, рагу! – прокричал из ванной. – И салат! Ешь, пока свежий!

– У тебя кто-то появился?

Как она прошла следом – он не слышал. Поэтому вздрогнул от неожиданности.

– Нет. У меня никто не появился. Я просто ухожу от тебя. Он смотрел ей прямо в глаза.

– Почему? – Голос её стал беззащитным и немного плаксивым.

– Потому, что я живу с тобой, а ты живёшь со своей Норвегией...

– Я с тобой живу! Я люблю тебя!

– Родная, – произвольно ударил он её под дых. – Мы

живём с тобой уже двадцать пять лет. И из них ты любила меня максимум 2–3 года. До рождения сына. А может, и ещё меньше... Остальное время ты любила что угодно: детей наших, работу, кофе, дачу... Что угодно... Сейчас вот Норвегию... А меня... так... полюбиwała на досуге...

– Кто у тебя появился? – прервала она мужа.

Он не отвёл глаз.

– Как-то... Без толку с тобой говорить... Ты помнишь, например, чем я занимаюсь?

– Материалы какие-то испытываешь... – растерянно ответила она.

– Какие-то... где-то... с кем-то... А когда мы последний раз вместе были? Помнишь? Не так, чтобы от меня отвязаться, а чтоб самой захотеть?..

– Кто у тебя появился? – вновь ухватилаь она за соломинку.

– Значит, не помнишь. – Ему стало скучно и противно. Он сгрёб с полочки свою парфюмерию. – А я помню. До свадьбы это было. Да и то сейчас не уверен – искренне ли было?..

– Вов, как тебе не стыдно! – Она всё-таки беззвучно расплакалась.

– А за что, Наташа? За то, что я тебя любил, устал жить без ответа и ухожу?

– Ты тоже работаешь. – Она размазала ладошками слёзы по щекам.

– Правильно, работаю. И люблю свою работу. Но я и тебя

тоже люблю! И одно другому не мешает. А ты... Я у тебя как персик на базаре. «Возми, дарагая, это бэсплатно!» – коверкая слова, протянул он. – Я не хочу быть довеском к твоим переводам. Ты и с детьми-то общаешься наскоро, когда приезжают: раз-два – и опять к компьютеру...

– Да что ты знаешь о моей работе? – уже со всхлипыванием возразила она.

– Да мне на хрен твоя такая работа не нужна! – чуть было не закричал Владимир, но сдержался. – «Работа, работа»... Отдать всю жизнь работе, наплевать на всех близких... Что-то вечное творишь, да? Нетленку? «Детские стихи норвежских авторов». Дура! – всё-таки произнёс он зло. – Ты хоть одного Маршака среди них видела? Или Чуковского? «Нетленка»... И из-за этой дребедени – вся жизнь вокруг вздрезг?! Ну, ты и... – он сдержал язык и быстро прошёл мимо неё обратно в комнату.

Затянул ремни на чемодане. Почувствовал: она здесь.

– Я пока на даче поживу, – сказал он не оборачиваясь. – За месяц, думаю, сниму что-нибудь. Ребятишки приедут – можешь им всё рассказать. Они поймут. – Выпрямился. Оглядел комнату. – Машину я забираю. Подготовишь документы на квартиру – позвони, я подпишу. – Ещё раз огляделся. – Всё. Счастливо тебе. Да вот ключи мои от квартиры... Всё. Привет Норвегии.

И вышел.

Она проревела до вечера.

Сидела на просторной двуспальной кровати и выла белугой, утопив лицо в ладонках. И медленно-медленно качалась из стороны в сторону, будто метроном с ослабленной пружиной.

А за стеной у соседей «плакала» труба из Свиридовской «Метели»...

И сгущались сумерки.

Стемнело.

Она поднялась на ослабших ногах и прошла в ванную.

Опухшее от слёз лицо немолодой привлекательной женщины смотрело на неё из зеркала безразличными глазами. Долго умывалась холодной водой. Утёрлась. И так, с полотенцем в руках, прошла на кухню. Включила кофеварку. Закурила. Увидела полотенце в руках, повесила его на спинку стула.

– Ты только не раскисай, Наташа, – прошептала она, – только не раскисай. Образуется...

Вновь непроизвольно покатались слёзы.

Звякнул зуммер кофеварки. И слёзы остановились. Налила. И снова закурила.

В углу ласково и таинственно светился экран компьютера. И манил к себе...

– Володя, может, останешься? – спросила она, не поднимаясь с кровати.

– Поздно уже. – Носок вывернулся наизнанку и никак не хотел одеваться. Но включать свет было как-то стыдно. – Да и тебе пора на смену...

– Ага, – легко согласилась она, зевнула с наслаждением, потянулась. – Хорошо хоть парами стали на проходной дежурить. А то ни поспать, ни ...

Она сказала это просто, обыденно, не смущаясь.

– Это точно, – подтвердил он и обрадовался, что ночник не включён: покраснел невольно от чужой простоты. – Ну, всё. Пока. – Наклонился к ней, ткнулся губами куда-то в область виска.

– Придёшь завтра?

– Постараюсь. Как лекции поставят...

...Выстуженный салон машины казался голубым и туманным.

Он долго грел мотор. Ехать на промороженную дачу не хотелось. Но и оставаться здесь, в тёплом, мягком, уютном после «ни поспать, ни ...» тоже не хотелось. Ни за какие блага.

Сорокапятилетний мужчина, профессор, заведующий кафедрой «Соппротивление материалов» сидел в машине. Курил.

«А небесный калькулятор ни на миг...» – тихо-тихо несло из динамика.

Владимир не гадал, где ему остаться. Ни «высоколобая»

Норвегия, ни низменное «Может, останешься?» его не манило. Выбирать было не из чего. Его тошнило и от того, и от другого.

Ему жаль было прожитой жизни. А как жить по-другому он тоже не знал.

Взглянул на себя в зеркало заднего вида. Худое окаменевшее лицо с напряжёнными скулами.

– На дачу поеду. Затоплю печку, – сказал он вслух себе. – В тепло мне надо... В своё тепло... И выпью... Посмотрим дальше...

Машина тронулась.

Две минуты фатума

– Всё, согрелся? Давай на пост! – скомандовал старший.

– Товарищ капитан! Да чего там выстаивать?! Одна машина за десять минут!..

– Ты давно у нас работаешь, лейтенант? – капитан развернулся к нему.

– Полгода.

– Камеру эту видел? – он кивнул на лобовое стекло. – Так что встал и пошёл!..

Лейтенант Сивцов тяжело вздохнул, натянул на голову тяжёлую промокшую кепку.

– И свисти там поменьше – денег не будет. Да и не слышат они тебя... Палочкой помахивай, грейся, – мрачно пошутил напоследок капитан. – Жилет не забудь.

Сивцов вылез из машины. В бытие цвета «мокрый асфальт». Серое небо. Серые октябрьские деревья. Серая дорога. И тоскливый мелкий дождь, идущий четвёртый час подряд.

Нехороший это был участок. Гробились здесь постоянно. Через сто метров от поста начинался крутой опасный поворот. А перед поворотом на протяжении трёхсот метров – уйма угрожающих знаков: и «Опасный поворот», и «Обгон запрещён», и ограничение скорости до 30 километров... Всё

равно гробились! И обгоняли, и скорость не снижали... Пока начальство не удумало несколько раз в неделю пригонять сюда передвижной пост. Волей-неволей, а правила при виде инспекторов публика старалась соблюдать.

Аварии прекратились. Но начальство пост не снимало, стараясь привить водителям устойчивый условный рефлекс. Сегодня в виде раздражителя выступал насквозь промокший лейтенант Сивцов.

Озябший «раздражитель» тормозил каждую пятую по счёту машину. Просто решил так для себя: каждую пятую... Проверял документы, заглядывал в кузова и багажники... И так в течение часа. Затем обсыхание, согревание и никотиновое отравление в дежурной машине в течение десяти-пятнадцати минут – и опять на дорогу...

Во, пятая!.. Чёрный «форд»...

– Фу-у! – устало и нервно выдохнула из себя девушка. – Чуть было не уложила этого сучонка! Ещё бы минута – и точно кончила бы!.. Чего он к тебе прискрёбся?

– Убери пушку, дура! Что за манера: за оружие хвататься? И дай полотенце из бардачка.

Девушка засунула пистолет во внутренний карман куртки, подала водителю полотенце.

– Чего ему надо было? – повторила она вопрос. – Деньжат срубить захотел?

Напарник вытер полотенцем мокрые волосы.

– Обычное дело... Проверка... Угнали, говорит, похожий «форд». Мент как мент... Только мокрый очень! – хохотнул он. – Прикури мне, руки заняты... И рожа простецкая... А ты сразу за ствол! Так и дурь до хозяина не довезём, по трупам выследят... – Он зачмокал губами, раскуривая тухнущую сигарету. – Мент как мент... – опять повторил он. – Пусть живёт... Повезло.

– Ну, что там? – еле сдерживая зевоту, спросил капитан.

– Да всё нормально. Документы проверил, багажник... В свадебное путешествие ребята едут.

Сивцов держал в руках кепку и жилет и оглядывался: куда бы их положить? Под ноги уже натекло полный коврик.

– Самое то-о-о, – капитан всё-таки зевнул во всю ширь. – По такой-то погоде... Только и жениться в гостиницах...

– Нормальные ребята...

Лейтенант положил вещи под ноги, на коврик.

– Всё, едем. Печку включить? Замёрз, поди...

– Нормально, обсохну...

На самом деле Сивцова колотило. Дрожь волнами накачивалась снизу по спине к затылку. Казалось, даже волосы шевелятся.

Он закрыл глаза, откинул голову на подголовник. Машина тронулась.

Тихо урчал двигатель. Шелестела лопастями печка. Шипела рация, настроенная на полицейскую волну. Долдонил

невнятно о чём-то капитан.

Смена, скоро смена... Домой... Трясет-то как всего! Простыл, что ли? Что ж за день такой тягостный выдался?! И пост на куличках, и погода собачья, и капитан этот в напарниках... Ох, Господи, жить не хочется! Умереть бы...

Он ещё немного поворочался и провалился в сон.

Очнулся от громкого говора.

– ...Как где? В часть едем, пересменка скоро! – отвечал капитан по рации.

– Шестой, у вас авария на 76-м километре. Как раз за вашим постом. Возвращайтесь. Водители позвонили с трассы...

– Чтоб тебе...! – выругался капитан, разворачивая машину.

– ...«Форд» чёрного цвета, – продолжала бубнить рация. – Слетели в кювет при обгоне. Два трупа: девушка и парень...

Сивцов вжался в сиденье, закаменел.

– Господи! Это же я их!.. Задержал бы подольше – никакого бы обгона не было! Про поворот предупредил бы... Пожалел, дурак, водилу: «насквозь промокнет, жених»! Пожалел, дурак, пожалел, называется!.. Эх, судьба-паскудница! Две минуты!!! Две минуты...

Сухая ветка

– Ну, как вы здесь жили-то?

Григорий сидел с братом за опустевшим, уже прибранным столом. Лишь перед ними стояла бутылка водки да тарелка с холодцом.

Разошлись уже все, хоронившие и поминавшие маму. Сестра Наталия копошилась на кухне с Лидой, женой брата Сергея, посуду мыли, переговаривались невнятно.

– А чего... По-старому живём... Ничего нового... Тракторю так же, а Лидка – на птичнике... Чего у нас... По-старому всё...

Серёжка сидел с тёмным осунувшимся лицом. Кожа обтянула скулы, как у скелета. Лишь две глубокие складки вдоль носа да мешки под глазами... На брата старался не смотреть. Ладони сжаты на столе в замок. Боялся: разожмёт, а пальцы задрожат.

– Ты чего так поздно приехал-то? Чуть без тебя не закопали...

– Машина сломалась, – Григорий отвечал спокойно, хотя внутри всё вибрировало от этой мысли: закопали – и даже напоследок маму не увидел бы. – Пока попутку поймал... К вам же мало кто ездит: грязеище – не проехать... Водила, когда починится, подъедет за мной.

Он взял бутылку, разлил по стаканам.

– Так ты что, без ночёвки? – Серёжка поднял голову.

– Без. Хрен её знает, как обратно доберёмся. А завтра в девять встреча важная, там опаздывать нельзя... – Он осёкся, поняв, что сморозил что-то непотребное. – Давай за маму, – сказал глухо.

– Давай.

Серёжка тоже встал. Помянули.

Вошла старшая сеструха Наталия.

– Мужики, ну что ж вы без закуски?! Сейчас, я принесу.

– Да есть холодец, не надо, посиди с нами...

– Сейчас, сейчас... – Она принесла всё-таки солёную капусту, хлеб, котлеты.

Теперь сидели втроем. Три ветки одного дерева. Ещё раз помянули маму.

Григорий не затуманенным пока ещё взглядом обвёл жилище брата. Старое какое всё... И мебель, и обои... Опрятное, но уж какое-то... Старое, одним словом... В городе сейчас такого уже не увидишь. Убогая чистота...

Заметил на низу шторы таракана. Передёрнулся брезгливо. Домой! Какая, к чёрту, ночёвка?!

– Ребята, пока не запьянели, давайте о матушкином доме поговорим. Чего делать-то?.. Делить, что ли?.. – Наталия посмотрела на братьев.

Серёжка опять опустил голову. Отчего-то стыдно было говорить и даже думать об этом. Чего там... Как на базаре получается... Умерла только, а мы... Матушкино...

– Делить, конечно! – услышал он голос среднего, Григория.

И почему-то облегчённо вздохнул. Решили – так решили. И слава Богу...

– Ну, коль Гриша говорит делить – значит, делить... – Наташкин голос по-прежнему звучал спокойно. – Порасспрашивай там у себя: может, кому под дачку надо? Наши-то не купят: безденежные... Домик ещё добрый... И фундамент каменный... 18 соток...

– Разве восемнадцать? – удивился Григорий – Я всегда думал: соток тридцать! Поле целое!

– Это ты просто маленьким всё помнишь. В детстве всё большим кажется. Лид, посиди с нами, – позвала она появившуюся невестку.

– Сейчас я... Птице насыплю, приду... – Та с полным корма ведром вышла во двор.

– Ну, делить – так делить... – повторила Наталия. – А ты Сашку Заречного часто видишь? Он, говорят, с тобой работает...

– Редко. В одном здании, а конторы разные... Редко... – Григорий откромсал вилкой кусок холодца, подцепил и, страхуя другой ладошкой снизу, отправил в рот. – Да у них, честно говоря, «сдувается» контора, – продолжал он говорить с набитым ртом. – Директор дурак попался. Конъюнктуры не чует. Рынок – его ж чувствовать надо! «Сдуваются»! – махнул он рукой. – А ты чего про него вспомнила?

– Давно уж к своим не приезжал. Месяца два. Раньше – чуть ли не каждую неделю, а сейчас... Тётка его просила у тебя спросить: может, что знаешь? У нас же здесь ни телефона, ничего...

– Не, не знаю, – ответил Григорий. Он враз помрачнел. Здесь, в родной деревне, он не был три года. И вспомнил, что Сашка действительно часто ездил в деревню. И всё с полной машиной гостинцев. – Ты что, коришь меня, что ли? Что выбраться к вам не мог?..

– Побойся Бога, Гриш! Я ж тебе про его тётку говорю!

– Думаешь, если я замдиректора, то всё могу, да? – не слушая её, продолжал с напором Григорий. – Думаешь: бросил всё и спокойно поехал, да? Да я по полгода в одних командировках мотаюсь, семьи не вижу! А мне здесь – укорять!.. Совести у тебя, Наталка, нет! «Бросил»... Брошу – и «сдуюсь», как Заречный! И что, на паперть?

– Дурак, – тихо сказала сестра, тяжело поднялась, вышла на кухню.

– Ну, вот чего она?! – сунулся Григорий к Серёжке. – Чего под кожу лезет?!

– Ты и впрямь дурак, что ли? – Сергей внимательно посмотрел тому в глаза. – Чего ты выдумываешь? Тебе бело, а ты – черно... Натка тебе одно, а ты, как попка: «не мог вырваться, не мог вырваться»... Все мы понимаем, чего дуркуешь? Ешь вон, закусывай, а то скопытишься...

Гришка, и впрямь, потяжелел. И ввинтилась в башку ка-

кая-то неопределённая обида. Не понять – на кого и за что... Но обидно было – до жути!

– И не привязывайся к Натке. Мы с тобой по гроб жизни ей обязаны! Ей да мамане нашей... Если б не они – хрен бы мы с тобой выучились.

– Ну, ты-то особенно выучился! – язвительно вставил Гришка.

– Сколько бабы могли потянуть – на столько и выучился! – отрезал тот. – ПТУ – это тоже два года. А они одни здесь «ломались». И батя парализованный, и нас снабжать надо, и самим что-то кусать... Молчи лучше! Спасибо бы лучше ей сказал! Дурак ты, Гришка...

Помолчали.

– По командировкам-то куда мотаешься? Не в наши края? А то б заехал...

– Нет. По миру всё больше... Здесь, в России, – редко... Вошла Лида.

– Гриш, там машина какая-то иностранная подъехала. За тобой, поди? А ты что, не останешься?

– Нет, Лид, ехать надо. – Григорий встал. Хмель после Серёжиной тирады вышибло разом, будто и не пил. Он взял бутылку, разлил по стаканам.

Из кухни вышла Наталия.

– Ну, давайте, что ли... – неуверенно произнёс Григорий. – За матушку... Пусть земля ей будет пухом.

Все подняли стаканы.

– Гриша, я тебе потом документы с оказией вышлю – подпишешь... А я уж здесь, потом, в конторе...

– Подожди ты, – досадливо прервал он её. Как-то брезгливо ему стало в этот момент о шмутках говорить, а она, вон – лишь бы чего-нибудь ухватить... – За матушку!

Выпили. Стали прощаться. Григорий уехал.

* * *

Он сидел на просторной светлой кухне перед ополовиненной бутылкой коньяка, и взгляд его, упёртый в белое пластмассовое перекрестье окна, казался пустым и бездумным.

Хлопнула входная дверь. Но до того, как появилась жена, в кухню ворвался запах её ещё утреннего парфюма. Тук- тук – туфли сняты. Тук – сумка брошена у зеркала.

– Гриш, ребята приезжали?

Он обернулся.

– Я спрашиваю: дети были? А ты чего такой потерянный?

Она подошла к нему. Увидела на столе бумаги. Взяла, прочитала внимательно.

– Натка всю свою долю Серёжке отписала. Или его детям, – глухо сказал Григорий и выпил из стакана.

Она машинально отодвинула от него бутылку и дочитала бумаги до конца. Ласково потрепала его по голове.

– Ну, чего ты... Говорили ж об этом... Тебе хоть частичку надо было от родителей получить на память.

– Особенно... в рублях... – произнёс он отдельно. – В рублях... особенно... Я эту свою долю в десять тысяч за два дня зарабатываю... А получить надо! Как же, на память!.. А Серый их за полгода зарабатывает... Значит, Натка за него ещё полгода отработывает... Сначала за меня пять лет... Потом за него два года... Теперь ещё полгода... А мне, Иуде, – «на память»! Раз маму схоронили...

Она присела перед ним на корточки.

– Дурашка, я же тебе говорила: через них федеральную дорогу тянут! Я сама проверяла, через наше министерство бумаги проходили! Попридержат нашу долю, не продавать пока! Там через год-два земля миллионы долларов будет стоить!

Он изо всей силы ударил раскрытой ладонью по этому красивому любимому лицу. Жена отлетела к холодильнику, больно ударилась об угол. Засучила ногами, пытаясь подняться. Кровь из носа струйкой быстро бежала по подбородку и шее. Глаза – изумлённые и полные ужаса и слёз.

А у Григория будто что-то отпустило внутри. Он спокойно взял бутылку и выпил остатки из горлышка. И коньяк так же, струйками, тёк у него по подбородку и кадыкастой шее.

– Я вспомнил, – вдруг сказал он совершенно трезво. – Когда у Заречного умерли родители – все братья ему свою долю отписали. Чтоб доучить. Он доучился. И почти всех в город перетащил. А кто не поехал – помогать стал. Да у нас вся деревня такая! Ни одной паскуды не было! Если только

пришлый, со стороны... – Посмотрел на жену. – Чего развалилась?! Платье хоть одёрни, заголилась вся! За пятьдесят уже, а всё, как проститутка, наряжается! И всё «деньги, деньги»!.. Когда ж нажрётесь до отвала?..

* * *

Примирились они, конечно. Не сразу, но помирились. И кровь, и слёзы утёрли. И в деревню свою он через некоторое время съездил. Выкупил у Серёжки полностью домик матушки. Положил перед Наткой с Серёжкой газетный сверток с деньгами.

– Это... – Слюна в горле стояла комком. – Вы... эт самое... сами поделите... Как хотите...

– Сколько здесь? – голос у сестры был, как всегда, спокоен.

– Двести тысяч.

– Куда столько? Ты же говорил: больше тридцати не дают.

– Это сейчас не дают! – занервничал Гришка. – А потом дорожать будет! Дорогу через вас пускают. А зачем вам «потом»? У меня сейчас есть!

– Всё равно много. На всю жизнь хватит...

– Во! А я что говорю?!

Наталия неуверенно посмотрела на младшенького.

А Гришка вдруг перестал горячиться.

– Братишка... Сестрёнка... Я вас очень прошу – возьми-

те!

Наталия перевела на него взгляд.

– А чего, Гриш, возьмём!.. Возьмём же, Серёжка? Возьмём, братишка, не расстраивайся ты так, возьмём... Ты с ночёвкой?

– Ага, – неожиданно для себя ответил Григорий. – Водилу бы где притулить...

– Я его к себе в дом сведу, а здесь посидим...

– Посидим, посидим... – Лида уже накрывала стол.

И Серёжка почему-то застенчиво улыбался.

...Григорий переписал домик на жену: пусть сама спекулирует. И начисто вычеркнул всё это из памяти и сердца.

И лишь когда встречался в управлении с Сашкой Заречным, то старался делать вид, что не увидал того, не заметил. Чтоб не здороваться.

То ли неприятно было.

То ли стыдно отчего-то.

Разговор с редактором

– Пойдёмте-ка, батенька, в курилку. А то с этими законами и штрафануть могут. Там поговорим. А я вас потом чаем угощу.

Редактор – маленький, лысоватый очкарик пенсионного возраста – отыскал в столе Юркину рукопись, схватил с подоконника сигареты и быстро направился к выходу.

– Идёмте, идёмте!

И пока шли по коридору, он всё время оборачивался к Юрию и жаловался: – Это что ж за беспредел такой творится?! Вся редакция курящая – нет! Как в гетто сгоняют! И попробуй только в кабинете закурить – ни надбавки, ни премии не увидишь! Новый главный не курит – и всё! Всем нельзя! Ну, где тут справедливость?

Юрий безразлично кивал и плёлся следом.

Курилка была просторная, белокафельная, как мини-бассейн. Стены увешаны самодельными объявлениями, криво прикреплёнными скотчем. Шаги мужчин гулко отдавались в пустом помещении, пока они дошли до распахнутых настежь окон. Редактор, Антон Семёнович, жадно затянулся и сразу взял быка за рога:

– Как-то вы, Юрий Петрович, резко ушли от своей тематики. У вас же взаимоотношения людей всегда были на первом месте. Страсти, выбор... «Ту би о ноу би». А сейчас...

что-то... собачки, природа...

– А что вас не устраивает? – Юрий смотрел в сторону, на объявления и, кажется, уже догадывался, к чему всё сведётся.

Предлагаю выпить. Т/ф...

Предлагаю рыболовные снасти мужа. Срочно! Оч. дёшево! Т/ф...

Предлагаю. Дорого. (Телефона не было. Одно только зачёркнутое имя: Кандолиза. Рядом было приписано: Маруся, Роза, Рая)

– Батенька, да меня всё устраивает! Всё! Хорошо написано, добротно! Но ведь это... это же беспроегрышные темы: дети и животные! Беспроегрышные! Да ещё с трагическим концом!.. Понимаете? Зачем же вы так опускаетесь, а? – произнёс он с лёгким оттенком брезгливости. И резюмировал: – Редакция журнала на это не пойдёт.

Предлагаю пса. Ухоженный, незлобный. Откликается на кличку «Ну ты и дурак» и «Кретин». (Множество телефонных номеров, приписанных разными почерками)

Подайте на воспитание собаки и («и» было зачёркнуто, поставлено тире) мужа.

– Это ВАШЕ мнение? – Юрий Петрович с трудом оторвался от объявлений, перевёл взгляд на Антона Семёновича.

Тот перестал пускать дымные колечки, вздохнул слегка:

– К сожалению, нет. Это мнение Софьи Андреевны Кошечкиной. Нашего нового главного.

– Она что, до чтения рукописей опустилась? С каких это пор главные читать рукописи вздумали? – криво усмехнулся Юрий.

Редактор развёл руки:

– Увы. Хотя я тоже её поддерживаю в отношении вашего произведения.

– А раньше, помнится, вы другого мнения были. – Кривая улыбка на лице Юрия казалась приклеенной и неестественной. – Раньше вы любовный треугольник, войну да детективное беспроигрышным считали. Я-то всегда думал, что все темы проигрышные. Если бездарным языком написаны.

Лицо Антона Семёновича как-то разом покрылось пунцовыми пятнами. Он, стараясь не встречаться глазами с автором, прикурил от бычка новую сигарету, зачмокал, раскуривая.

«Ишь ты... Заело его... Прimitив... А ведь ты его интересным типажом считал: мужичонка такой, себе на уме, рассказы интересные пописывает, с иронией такой, скрытой народной правдой... Тихоня, с хитрецей... А он, вишь, взбрыкнулся... Меня припомнил, сучий сын... Василий Макарыч непризнанный... Прimitив...»

Вслух же произнёс:

– Хорошо. Давайте предметно. – Нервно перебрал листки, нашёл нужное. – Вот, «Последний долг». Рассказ, так ска-

зять... – Антон Семёнович теперь смотрел на Юрия не отрываясь, пытаясь увидеть все нюансы ответной реакции на его слова. – Герой знает, что жить ему осталось четыре месяца, и решает отдать жизненные долги: и к матери на могилку съездить, и с внучкой в зоопарк сходить, и другу триста рублей вернуть, и водочку на рыбалке попить с товарищами... И, главное, отомстить за смерть погибшего в аварии отца: виновный отделался условным сроком. То есть пять лет всё было нормально, а сейчас, перед своей смертью, захотелось...

– Я не знаю, можно ли так назвать «своей смертью», – угрюмо перебил его Юрий.

– Не важно! Не о том мы сейчас! Вы посмотрите, что вы нагородили в маленькой вещице: и смерть, и долги, и детективщина... И щенок этот!.. Герой идёт на убийство – вах! Щенок, замерзающий у подъезда! Ну, как же не пригреть, да? А дальше – по накатанной: убил, вернулся и... где это у вас? Вот! – Антон Семёнович с издёвкой зачитал: «Чего ты? Кончилось всё. Иди сюда. – Он поднял щенка, сунул за пазуху. – Отогреемся сейчас. И накормлю тебя... – Он увидел размазанную на перчатке кровь. – Ничего, там рассудят... – Они вышли из подъезда на залитую солнцем улицу».

Он замолчал в ожидании ответа. Автор тоже молчал. Смолил свою сигарету и смотрел в окно. Затем нехотя сказал:

– Да. Вслух да из чужих уст это по-другому звучит. Напрасно я про солнце написал. У нас в марте солнца почти нет. Надо было на «рассудят» закончить... – В голосе его по-

слышалось сожаление.

– Да при чём здесь «солнце»?! – психанул редактор. – Вы что, и правда, не понимаете? Глупость у вас написана, глупость! Нагнетание страстей! Нервы потрепать хотели читателю, что ли? Не бывает так в жизни! И собачка у вас для антуража! Долги отдаёт, а перчатки, как опытный убийца, не снимает!..

– Холодно было... Я ж писал об этом...

– Да о чём вы только не написали в этом своём опусе! И жизнь у него в семье неизвестно отчего на спад пошла: сначала жена любить перестала, вернее – равнодушна к нему стала... Затем – дети... А потом и он в чувствах остыл. Понял: не изменить уже ничего. Запратал всё в глубь души, все эмоции – и продолжает жить рядом?... Как это так? Из-за чего, почему? Ни капли объяснения или хотя бы намёков для читателя! Вы что, за дурака нашего читателя держите?

– Бывает так... Не объяснить это... Разлюбили – и всё... Ничего, и без любви притёрлись... Как коллеги на работе... Чего менять-то?... Поздно уже... Разлюбили – и всё...

– Да не всё! Не всё! Не мучьте читателя! Зачем ему за вас домысливать?!

Антон Семёнович аж задохнулся от возмущения.

– Что, у него других дел нет? Он же умную прозу читать хочет, а не заумную, как вы не поймёте это?! Если так...

Папка нечаянно выпала из его рук, листки разлетелись по полу. Они вдвоём начали торопливо их подбирать.

– ...Если так к нему относиться, – продолжил на карачках свою мысль редактор, – то мы скоро не только читать – слушать друг друга перестанем!

Дверь в курилку отворилась. На пороге стояла высокая красивая женщина в строгом белом платье и недоуменно на них смотрела. Вернее, на Антона Семёновича. По Юрию же так... скользнула глазами.

– Антон Семёнович, зайдите ко мне... когда закончите здесь.

Она едва уловимо тряхнула коротко подстриженной головой и, не дожидаясь ответа, прикрыла дверь.

– Главный! – значительно произнёс редактор, с трудом поднялся на затёкших ногах, тяжело, с отдышкой задышал. – Вы, батенька, извините, что так... Не договорили мы с вами. Выкурю-ка я ещё одну, – он оглянулся на дверь, – а то неизвестно, когда у неё освободишься. Как в застенок, честное слово. А вы идите, идите, переработайте свои рассказы. А ещё лучше – в старом ключе пишите, в былинном, эпосном. У вас же замечательно получалось! Жду, жду от вас новенького...

Юрий вышел. И даже про обещанный чай не вспомнил.

Лукавил Антон Семёнович. Понравился ему рассказ. Очень! Намного больше того, что он сам написал и пробовал вставить в следующем номере. Просто... Ну, не получится пропихнуть и то, и это! Вернее, то-то пропихнётся, чего уж там, а вот своё... Одинаковый сюжет, одинаковые перипе-

тии... Щенок – и тот есть у обоих! Язык вот только разный...

«Но не себя ж кастрировать, в конце концов! А от этой белой, без косы станется!.. Нюх на добротное у неё, как у овчарки! Как бы сейчас не раздолбала моё творение... Соглашаться надо с её поправками. Но так... будто сомневаясь. А этот, сермяжный, ничего, потерпит. Пусть вон в Интернете балуется, творит чего душа пожелает, а мы как-нибудь копеечку подзаработаем печатную. Малым тиражом. – Посмотрелся в зеркало. – Сатир, – брезгливо подумал он, глядя на своё отражение. – Животик, короткие ножки, лысинка и волосатые руки... Улыбки только глумливой не хватает...»

Расшаркался шутиливо пред собой на кафеле. Втянул живот и направился к главному редактору.

«Не забыть бы, вставить... Как там у него?.. “Ничего, там рассудят...” И про солнце не упоминать...»

Тринадцать лет гениальности

Он лежал лицом к стенке и слушал громкий пьяный гомон с матерком за спиной. Скомканная простынь у лица казалась серой, грязной. Да она и была грязной: он не помнил, когда менял бельё последний раз. Полгода назад, не меньше...

От постели остро и кисло несло потом, мокрой шерстью, козлятиной. Стучали молотки в висках. И будто до сих пор продолжался пьяный сон с какими-то харями, ужасами, бес-толковщиной. Цветной и страшный.

«Что же делать? – тоскливо подумал он, пытаясь забыть о «молоточках» в голове. – Что делать?.. Пусто как... Ничего впереди... И денег нет... Закончить бы книгу – я бы им всем показал!.. Мрак какой... Полтишок бы на завтра у кого-ни-будь взять...»

Он попытался вспомнить, у кого можно стрельнуть денег, спутался; мысли перебрались на другое, на третье, на деся-тое...

За спиной по-прежнему шумели, разливали, чокались.

– Встать надо... Выпьют же всё, ни капли не останется... Застонал про себя от боли, повернулся. Из узнаваемых за столом сидел только Пашка, сосед. Остальные – два парня и девица – были незнакомы. Он поднялся. Медленно, шаркая ногами, подошёл к компании и сел с краю. На него не обра-тили внимания, продолжая о чём-то спорить, азартно и пья-

но, не слушая друг друга. Сергей плеснул себе в первый попавшийся под руку бокал из початой бутылки и с отвращением высосал вонючую жидкость. Поперхнулся, кашлянул в кулак. Подхватил с тарелки раскисшую солёную помидорку и, страхуясь снизу другой ладошкой, опрокинул её в рот. Закрыл глаза, пережидая резкое жжение в желудке. И – потихоньку, еле заметно – стала отступать боль в висках.

«Когда ж всё это кончится? – обречённо подумал он, ища курево на столе. – Мне уж тридцать пять лет!.. Итоги подбивают в эти годы, а я, как клуша, со своим романом... Да куда же они сигареты дели?! Торчки долбанные, одна «травка» вокруг!»

На столе среди грязной посуды с остатками пищи виднелись лишь початые пачки из-под «Беломора» с пустыми гильзами.

– Паш, – хрипло позвал он. – Дай закурить.

Тот, не отрываясь от разговора, бросил ему через стол пачку «Пётр I».

«Откуда эти люди? – попытался вспомнить он. – Видимо, когда спал, пришли...»

Затравленными больными глазами всмотрелся в лица. Нет, не знакомы... Пришлые... Боль утихла, и он прислушался к разговору. Спорили о какой-то картине. И спорили как-то по-базарному, разом говоря и почти не слушая друг друга. Серёжка протяжно и с наслаждением зевнул в кулак, вновь плеснул себе из бутылки. И некстати вспомнилась

Ольга, бывшая жена.

Как она любила поначалу эти посиделки! Писатели, поэты, художники, музыканты, киношники!.. Вся атмосфера в квартире пропахла пьяным интеллектом! И ведь все были гениями! И рокеры, что с многозначительной серьёзностью принимали похвалу своих заумных песен. Это потом, через годы, они научились снисходительно улыбаться в ответ на те же самые вопросы, а тогда... Тогда все млели от этих непонятных, убогих по гармонии и смыслу песен. И поэты, на самом деле талантливые ребята, тускнели по сравнению с ними. И, как ни странно, «подстраивались» в своих стихотворениях под певцов.

А Макаревич, дружно отринутый всеми ими, как примитив и приспособленец, продолжал писать, сочинять и петь.

Художники с непонятной мазнёй на холсте... Режиссёры, не снявшие даже дебютных роликов...

Но почему-то все считали: Серёга!.. Вот он – настоящий гений! Вот он себя точно покажет, мы ещё гордиться будем знакомством с ним!

Он вспомнил, как Ленка, с журфака, кричала громко через стол: «Мы ещё клочки его рукописей собирать будем для Сотби!» – и плескала нечаянно вином из бокала на открытые «Фрикадельки в томатном соусе». Уже тогда все знали, что он пишет роман. И это не роман – бомба будет! И он – гений!

Тринадцать лет прошло... И давно уже нет в этой квартире никого из той старой компании. И Ольги, жены, тоже

здесь нет. И лишь хмельная аура богемных неудачников витает повсюду. Никто не стал ни великим, ни просто знаменитым. «Лабают» ребята по кабачкам да фестивалям в узком кругу малолетних поклонниц. Разбежались «художники»: кто по «евроремонтам», кто по архитектурным конторам. Почему-то многие подались в критики. И в музыкальные, и в литературные.

Но большинство кануло в никуда. Спились, эмигрировали, умерли... И появились новые. Незапоминающиеся. Но тоже «гении»...

Он снова всмотрелся в лица сидящих. Кажется, его возраста... Может, чуть моложе. А как зовут – не знаю. Или не помню, заспал... Как долго длится эта пьянка! Тринадцать лет прошло, а кажется – только вчера встретились, сели, подняли бокалы... Сгинули все. А ты остался. И твой роман.

«Да, роман... – пьяно и тоскливо подумалось ему. – Аж семьдесят восемь страниц... По шестнадцать страниц в год. Гений заср...ный. Если б Пашка кавээнщиков не раскрутил на репризы – сдох сейчас уже... со своими старыми друзьями в придачу. Да матери с отцом спасибо: выручают. А ведь тоже ныть начали: «Найди работу, найди работу»... А когда творить, начатое дописывать? «Работа»...

Он откинулся на спинку стула, потянулся за новой сигаретой и, прикуривая, вдруг замер от мысли: «А о чём я пишу?!»

Он совершенно забыл начало! То гениальное, с чего всё

началось!

Спичка обожгла пальцы. Он потряс кистью, подул на неё машинально.

– Нет! Не помню! НЕ ПОМНЮ!!!

Положил не прикуренную сигарету на блюдце, налил полный стакан водки – Пашка только стрельнул на него глазами – и выпил, тягуче, не торопясь.

– Я сейчас... – сказал он незнамо кому и, шатаясь, пошёл в ванную.

У него там давно было присмотрено: «полотешка» сорокового диаметра. Выдержит. А верёвка – от ванной шторки, добрая, синтетическая, не порвётся. Только разом! Придётся – и соскользнуть с унитаза! Чтобы всё махом и без боли!

Противно отрыгнулось водкой. Сергей тягуче сплюнул на пол.

Он так и не вспомнил, что его «гениальный» роман именно так и начинался тринадцать лет назад:

«Гений соскользнул с унитаза...»

Вера

«Осторожно! Двери закрываются. Следующая остановка...»

Вагон заполнялся народом. Многие стояли. Сегодня, среди недели, ехали в основном дачники-пенсионеры, торопились закончить перед снегом последние садовые работы.

По проходу, с трудом пробираясь сквозь народ, сновали туда-обратно «коробейники» с мороженым и прессой.

– Пломбир, шоколадное, эскимо...

– Кроссворды, телепрограмма, лунные календари, анекдоты...

– Пломбир, шоколадное...

Вере повезло: сидела, и притом – у окна. А главное – работал обогреватель. Придвинула к нему околевшие ноги и задремала...

«...Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали, так поступайте и вы с ними».

Голос сквозь монотонный вагонный гомон звучал убаюкивающе и приятно. Хотелось слушать и слушать, не открывая глаз, и проваливаться всё дальше и дальше в тёплую дремоту. Ноги в насквозь промокших кроссовках постепенно отогревались. Вера даже расстегнула пуховик.

– Да ну вас!.. Чепуху мелете, молодой человек, а мы сидим, слушаем... уши развесили... – раздражение в женском

голосе было неподдельным.

– Какой же я молодой?.. С сорок шестого...

– Тем более! Городите здесь... Я вон своей невестке как только не угождала!.. Всё для неё делала, задницу только не лизала... И что?! Настропалила, сучка, сына: комнату сняли, съехали и на порог к себе не пускают! Это как?! Внука не дают! Сын! Сын говорит: «Не ходи, от тебя только негативная энергетика... после тебя Гриша всю ночь плачет во сне... и дёргается...» Представляете? – сын говорит!!! Внук от меня дёргается!.. А я от них не дёргаюсь!.. От этой сучки не дёргаюсь!.. Как у нас появилась, так на таблетках и живу! «Дёргается...» Не-ет, правильно народ говорит: «Не делай добра никому – и зла тебе никто не сделает». А я всё: «Людочка-Людочка, Людочка-Людочка...»

– Это не народ говорит, – мужчина опять говорил негромко, но слышно было каждое слово, будто гомон стихал в эти минуты. – Это, милая моя, озлобленные люди сочинили. Никого, кроме себя, не любящие... А повторяют недалёкие. Красиво же звучит... парадоксально...

– Ой, шли бы вы со своей хреню куда подальше!

И такая злоба прозвучала в женском голосе, что Вера открыла глаза: очень уж захотелось взглянуть на беседующих.

Сидящая напротив яркая, интересная брюнетка в летах неприязненно в упор пялилась на Веркиного соседа, невзрачного мужичка в дождевике, резиновых сапогах и вязаной шапочке.

Верка взглянула на неё мельком – и отвернулась к затуманенному дождём стеклу.

Есть на свете такие глаза: затягивающие... беззрачковые... мёртвые... Смотреть в них было неприятно. И страшно.

А этот, в дождевике, сидел и смотрел в них. И не отворачивался. Мигал подслеповато, шмыгал носом, но не отворачивался.

– Почему хрень-то? – спросил он так же спокойно. – Добром на добро и ответится... Что ж нам – хорошо всем стало от злости-то вашей? Всем неприятно стало... – И снова шмыгнул.

А брюнетка стрельнула глазами на соседей, жадно слушающих их перебранку с мужичком, резко поднялась, выдернула из-под сиденья сумку и, расталкивая стоящих, ушла в другой вагон.

И окружающие почему-то облегчённо вздохнули.

* * *

Что-то слишком длиннющую грядку удумала она под озимый чеснок. И трети не вскопала, а руки уже отваливаются...

Неможилось ей. Давно неможилось... лет пять... Суставы порой так выкручивало ночами, что хоть волчицей вой!.. И натиралась всякой пакостью, и обследовалась, и лечилась в санаториях, да всё без толку. Отпустит на время, а потом

вновь сворачивает жгутом. Да и сердчишко стало сдавать. До обмороков доходило. Слава Богу, не на людях...

На людях она была другой: довольной жизнью, улыбочивой, счастливой... Несмотря ни на что. И как обидно было порой выслушивать от друзей что-нибудь нелицеприятное о своих детях. Друзей в такие минуты она в упор не понимала и не слышала.

«Что значит “шумели всю ночь и были выпивши”? Это что, значит, мои ребятишки меня обманывают? Уроды, – улыбаясь, думала она в эти минуты о друзьях. – Да мои детишечки ни разу в жизни мне не соврали! Завидуετε и мерзость всякую наговариваете! Своих такими же умничками воспитайте – потом и будете, как бабы на базаре, слухи распускать. “Не помогают, в саду не работают...” А ваши прям упахались! Стахановцы... А я, раз успеваю участок обработать – значит, и без ребятишек сил хватает! И не ваше собачье дело – в семью чужую лезть! Я ж не лезу к вам с советами!»

Так мысленно спорила Вера со своими «доброжелателями». А у самой душа – будто кошками изгажена да исцарапана, вся в крови от этих пересудов.

А жить надо... И с такой душой, с исцарапанной... И как ещё долго жить!.. Ведь никто из ребятишек не определился. Ни с работой, ни с учёбой... Пристраивать, на ноги поднимать надо. «Сдохну, а подниму! Подниму! И пошли вы все к черту!»

...На рукав капнуло светло-розовым. Вера вытянула по-

дол рубахи, приложила к носу и долго-долго держала. А кровь всё сочилась и сочилась. Она осела на заголодевшую вспаханную землю и запрокинула голову вверх.

– Сдохну, а подниму!

Бледное осеннее небо вдруг начало медленно поворачиваться, затем закрутилось. И наступила темнота.

* * *

– Мам, мам, очнись! – Голос младшенького Алёшки доходил, как сквозь вату. На лоб легло что-то мокрое, холодное.

«Хорошо-то как!» – облегчённо подумала Вера, с трудом разлепила глаза. Склонённые над ней кругом лица – серые, туманные – плыли и не фиксировались сознанием.

– Сейчас, Алёшечка, сейчас... – Она с трудом села. Чьи-то руки поддерживали за плечи. Испуганные глаза окружающих выжидательно таращились на неё.

– Мам, что с тобой? – Сын присел перед ней на корточки.

– Голова закружилась. Сейчас, Лёшенька, сейчас... – Попыталась подняться. – Копала, копала... Чуть-чуть всего... Давление, видимо... – Всё-таки поднялась. – Здравствуйте, ребята. Пойдёмте в дом. Сейчас, оклемаюсь маленько...

– Я же тебе говорил, что вскопаю, – сердито выговаривал сын, шагая рядом. – Зачем самой нужно было?.. Я же говорил... Специально сегодня приехали!

– Лёш, не ругайся. Я же не знала, когда ты приедешь... А

вдруг снег завтра выпадет? Не успели бы... – Вера оправдывалась, а сердце её пело от сыновней ворчливости: приехал! Ребят с собой взял на помощь! – А Игорёк где? Приедет? – вспомнила она про старшего.

– Вечером, может...

Вошли вдвоём в дом. Ребята сгруппировались в проулке, у машин, переговаривались о чём-то.

– Чем же я вас кормить-то буду, Лёшечка?.. Позвонить надо было, – опечалилась Вера, глядя на ребят через окно. – Я же только к чаю с собой взяла...

– Да до тебя не дозвонишься! Связь эта дурацкая... Мы с собой взяли, не беспокойся... Ты когда домой едешь?

– Дёмины завтра утром обещали захватить. Мне ещё мешок с одеждой забрать надо, постирать к весне. Загрязнилось всё... Чай-то поставить? Будете?

– Ага, поставь.

Алёшка вышел к ребятам.

– Ну, что?

– Она с ночёвкой остаётся, – с сожалением ответил Алексей. – А мне вскопать всё надо.

– Ты чё, съехал? Здесь неделю копать надо всей толпой! Да и земля же сырая!

– Ну... я не знаю... мать попросила...

– Лёха, сейчас быстро темнеет! Поехали к Катке на дачу! Говорил же я: давайте сразу к ней! Нет: «сюда, сюда...» Съездили, блин!

– Ребят, ну, я обещал...

– Обещал – так копай! А нам ехать надо. Мясо уже с утра квасится, скоро вообще никакого будет!..

– Ребят, ну, помогите немного... У меня и сапоги на всех есть... И поедем сразу... Хотя бы грядки...

– Ладно, тащи сапоги.

Алексей весело вбежал в дом.

– Мам, где у нас сапоги резиновые? Ребятам надо.

– А вон, за дверью... Алёша, чай готов. – Вера залила заварку кипятком. Достала из пакета печенье, молоко. – Зови ребят.

– Мам, некогда! Там обстоятельства изменились! Нам вечером в городе надо быть! Мы уж через час поедем!

– А как же чай? – растерянно, не к месту спросила она. Алёшка лишь махнул рукой, сгрёб сапоги и так же быстро вышел.

...Через час лишь следы протекторов говорили о приезде ребят.

Вера закрыла за ними ворота, вошла в дом. Помытые для чая чашки сиротливо толпились на столе. Она плеснула себе остывшей заварки и, отпивая маленькими глоточками, бездумно уставилась в запylённое окно.

Темнело. Взгляд упал на расписание электричек. Взгляд стал осмысленным. Она поднялась и вышла в сад. Одинокaя вскопанная грядка тянулась вдоль забора. В конце разнoвеликими черенками торчали четыре воткнутые в землю лопа-

ты. Она выбрала покороче и принялась копать, изредка поглядывая на дорогу. Но старшего, Игоря, так и не увидела.

...Вся двадцатитрёхчасовая электричка оказалась пустой. Лишь в первом вагоне сидели редкие пассажиры, да и те теснились ближе к кабине машинистов. Она подсела к ним и огляделась. Напротив оказался тот, утренний, мужичок в дождевике. Он поднял голову. Глаза его, старческие, безмятежные понемногу становились внимательными, в них теперь появилась улыбка. И он кивнул ей головой, как старой знакомой.

– Постоит ещё бабье лето, постоит. Всё сделать успеем. Ничего, не тужите, поскрипим ещё...

Электричка была тёплая и уютная.

Победительница

Вера Гасникова возвращалась домой.

Возвращалась чемпионом России по стрижке овец. Соревнования проходили три дня. Дорога и командировочные были оплачены организаторами. Иначе бы она и не поехала. Чего деньги-то тратить попусту? Выиграешь там, не выиграешь – ещё неизвестно... Да и дома хлопот хватает...

Призы – кубок и кухонный комбайн – лежали упакованные в громадном дорожном бауле. Проклятушие перекладные вымотали всю душу. Сначала автобусом до Магнитогорска, затем поездом до Челябинска. Из Челябинска – снова поездом до Самары, там – снова час на автобусе. Теперь вот обратно... До Челябы, слава Богу, добралась. По-людски надобно бы у братишки младшего, у Пашки, тормознуться, погостить хотя бы денёк... Но уж шибко невтерпёж было до дома добраться! Душа уже там была, с мужем и ребятишками. Вот гостинцам порадуются!

И, как только приехала в Челябинск, сразу же поспешила купить билет до Магнитогорска. Жаль, что только в шесть вечера отходит... Четыре часа валандаться где-то надо...

«Позвоню-ка Пашке. Может, выходной?..» – подумала она, обложившись баулами на лавочке в привокзальном сквере.

Завод, где работал младший брат, был когда-то союзного

значения. Затем наступили кризисные времена 90-х. Завод пошёл по денежным рукам, как распутная девица, захирел и до сей поры перебивался случайными заказами. Рабочие работали по 2–3 дня в неделю. Чем леший не шутит, может, и, правда, у Пашки выходной...

Повезло ей. Прикатил младшенький на вокзал, через час уже прикатил. Обнялись, поцеловались, как положено. Пашка – крупный, высокий, под метр восемьдесят – тридцатилетний мужик, рядом с Верой гляделся мелко и щупло. Та, при таком же росте, смотрелась и пошире, и побогаче статью. И вообще, весь корень их, Гасниковых, никогда мелким не был. Хоть дедов взять, хоть детишек. Может, благодаря врождённой силе и дородству Верка так быстро и справлялась с овцами: хватать за лапы, свалит на бок, коленом прижмёт – и давай шерсть снимать! Секунды уходили, а овца – будто в армию призывали, лысая и ошарашенная! Да что овцы!.. Она однажды на спор и Пашку, как барашка, сгребла в охапку да на пол грохнула! Коленом прижала – ни вздохнуть, ни охнуть! А ведь лучшим гиревиком на селе был!

Начальство Верку ценило. Что ни смотр-конкурс – её посылают. И хоть бы раз без первого места возвратилась! Было, правда, однажды, в 89-м, в Абхазии... Стыдно вспоминать... Местный какой-то сморчок в гектарной кепке её обогнал! Откуда вот в таком сила? И ещё, паршивец, приударить вздумал, сопля носатая! Но ей-то к мелюзге привыкать не в новинку. Серёжка, муж-то её, по габаритам точная копия то-

го, местного. Нос только пуговкой да волосики белые, а так – близнец близнецом.

«Шашлыки, правда, у южанина вкуснейшие были. Мой Серёжка такие делать не умеет! А вино – дрянь дрянью! Кислое, как бражка недоспевшая. Хорошо тогда толпой посидели. Ежели б не второе место – совсем бы всё замечательно...»

– Верка, ты меня слушать будешь? – сердито окликнул её Пашка.

– А? Что? Задумалась чего-то...

– Я говорю: поехали к нам, четыре часа ещё до поезда. Отдохнёшь по-человечески. Анатолий потом отвезёт...

– А твоя где машина?

– В ремонте.

– Да подь ты!.. Не поеду! Что ж я с баулами носиться буду?! И так все руки оборвала!..

– В камеру давай сдадим.

Верка посмотрела на него, как на больного.

– Ага... Приду получать багаж перед поездом, а кладовщик до ветру пошёл, днище пробило. А поезд – тю-тю!.. Сиди, говорю! Тебе что, с сестрой не сидится?!

– Сидится, – буркнул Пашка. – Давай я хоть пожрать что-нибудь возьму...

– Ой! Пашка, мне беляшиков возьми! Они у вас на вокзале всегда вкусные! Штук пять возьми! И газировки! Дома-то я сроду её не пью.

– Чаю горячего, может?..

– Я тебе говорю: газировки возьми!..

Пашка принёс беляши, газировку и пару шашлыков.

– Шашлыки-то зачем? Из собачатины какой-нибудь делают...

– Ешь! Беляши, можно подумать, из другого мяса...

– Не-е, беляши вкусные! – Верка аж щурилась от удовольствия.

– Как вы там? – Пашка лениво жевал шашлык. – Колоть скотину по осени будете? Мы бы с Толей бычка у вас взяли.

– Не мы – так другие резать будут. Я тебе позвоню. А вот поросёнка точно заколем! Возьмёшь?

– Возьму. Дай газировки... Как там Федька? К нам, в город, не думает?

Федька, Веркин старший сын, закончил школу и работал у отца на МТС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.